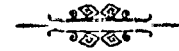

И. Стравовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И ОГРЫВКИ.

Аѳонъ.—Италія.—Крымъ.—Л. Н. Толстой.—Справедливость, милосердіе и святость.—Послѣдній взъ идеалистовъ.—Отихворенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія бр. Пантелеевыхъ. Вереяская, 26.
1892.

Стихотворенія.

Комета.

(Писано въ 1859 г., когда видна была комета Донати).

Вотъ ночь, и страшными лучами
Опять небесный сводъ блеститъ:
Межъ помраченными звѣздами,
Ихъ застилая волосами,
Звѣзда косматая горитъ.

Какъ будто, въ бѣшеное стремленье
Хвостъ разметавши за собой,
Она, полна недоумѣнья,
Остановилась на мгновенье,
Надъ потемнѣвшею землей.

Невольно думаю: комета!
Увы! Въ былыя времена
Ты, какъ зловѣщая примѣта,
Была бы ужасомъ полсвѣта,
Для мудреца и для поэта
Томящей тайною полна.

И я, среди черныхъ размышленій,
Тебя бы спрашивалъ съ тоской:
„Что ты? Какой грозный гоній,
Властитель дольнихъ поколѣній,
Изъ тьмы небесъ летить съ тобой?

„Или, какъ на стѣнахъ чертога
Незримый шькогда писалъ,
Такъ и тебя—не персть ли Бога,
Какъ букву заповѣди строгой
Огнемъ на небѣ начерталъ?“

Но, слава Вышнему! Poznали
Мы духъ, которымъ мѣръ хранимъ,
Вѣка проклятыя миновали,
И думы страха и печали
Прошли—и не вернуться имъ.

Передъ сѣньемъ мысли смѣлой
Распался древній неба сводъ,
И безъ конца и безъ предѣла
Пространство мрака просвѣтлѣло
И мірозданья тайный ходъ.

И нынѣ, радостно, комета,
Гляжу я, какъ блистаешь ты;
Ты не грозница примѣта,—
Дли взора вѣщаго поэта
Ты—искра будущаго свѣта
Среди царящей темноты.

Пастахуть дни—мѣръ обновится,
И человекъ, согбенный въ прахъ,
Надъ міромъ смѣло водарится
И ничего не утратитъ
Ни на землѣ, ни въ небесахъ.

Грёзы.

Въ тиши моеи жизни ничтожной,
Въ досадѣ пустыхъ огорченій
И въ шумѣ пустаго веселья
Дремлю я душою тревожной.

Но, полный тяжелой дремоты,
Я чувствую,—сердце тоскуетъ,
И снится, и грезится вѣчно
Ему—непонятное что-то.

Какіе-то дни золотые,
Какіи-то дивныя рѣчи,
Какіи-то крѣпкія силы
И мысли и чувства святыя.

И мѣсяцъ, и звѣзды, и розы,
Какая-то грусть безъ предѣла,
И ласки, безумныя ласки,
И слезы, горячія слезы.

Несчастны мы.

Несчастны мы! Отъ юныхъ дней
Средь жизни будничпой и нищей
Мы вскормлены святою пищею
Высокихъ мыслей и рѣчей.

Мы, какъ сокровище, до гроба
Въ душѣ безсильной ихъ хранимъ,
А сами—каждый день творимъ
Дѣла безмыслия и злобы.

И тотъ, кто тайну высшихъ благъ
Постигнулъ мыслию безгрѣшной,
Кто каждый день—объ этихъ дняхъ,
Скорбитъ душою безутѣшной,

Когда онъ свѣтъ души своей
Во тьмѣ идущимъ предлагаетъ—
Несчастны мы!—отъ юныхъ дней
И мысль, какъ дѣло, погибаетъ!

1854.

Юность.

О, юность, юность, все ты молода!
Растущая кипитъ и рвется сила;
Собой и міромъ вѣчно ты горда,
Какъ будто пынче небо міръ покрыло
И шумная въ моря стеклась вода,
И ночью вдругъ зажглись небесъ свѣтила;
Какъ будто солнце всходитъ въ первый разъ
И въ первый разъ забилось сердце въ насъ!

Давно ужъ исходитъ солнце! И—съ начала,
Съ тѣхъ поръ, какъ человѣческимъ очамъ
Оно въ сяньи первомъ заблестало,
Знакомъ восторгъ, знакомы муки намъ;
Мольбой и стономъ небо прозвучало,
И было время думамъ и дѣламъ;
Но юныхъ душъ безумство не остыло—
Гордится умъ, кипитъ и рвется сила...

Заботы.

Насъ гонять! Слышите, свистить
 Вичей размахъ неумолимый?
 Смотрите—черный рой летить,
 То рой заботъ неотразимый.
 Имъ нѣтъ числа, имъ нѣтъ конца,
 Все тѣ жь, а кажутся другими;
 Не обращая къ нимъ лица,
 Мы убѣгаемъ передъ ними.
 Летимъ. Мелькаетъ день за днемъ,
 Мелькають годы за годами;
 Не время думать надъ путемъ
 И любоваться сторонами,
 Не время радоваться намъ
 И вспомнить и взгрустнуть не время;
 Чтò мимо—тò осталось тамъ!
 Ничто не дорого, все бремя.
 Все—чувство, слово—тяжело;
 Бичъ свистеть безоцѣдно-строгий,
 И свѣтъ ума, души тепло
 Бросаемъ въ искрахъ по дорогѣ.
 И бѣдны свѣтомъ и тепломъ
 Спѣшимъ, сначала подымаясь
 Все выше, выше, а потомъ—
 Невозвратно опускаясь.
 Летимъ, смыслъ жизни потерявъ;
 Тамъ бездна!... Чтò она? Не знаемъ!
 И не опомлясь, стремглавъ
 Въ ту бездну мрака упадаемъ.

1853.

Жизнь.

Есть трепеть — присуцій
 Природѣ и жизни людской,
 Есть гласъ — вопіющій
 Въ пустынѣ души молодой.

Внезапно и смутно
 Промчится таинственный **громъ**,
 И видится — чудно
 Въ ночи непробудной
 Тьма міра сверкнула **огнемъ**.

И небо и землю,
 И жизни красу и печаль
 Я взоромъ объемлю,
 И вижу, и впемлю —
 Хаоса безбрежную даль.

Безумно отважно
 Гляжу я на ходъ міровой,
 И дивно, и страшно
 Свершается жизнь предо мной.

1857.

Міръ.

Мнѣ міръ непонятный тревожитъ
 Всю душу мою изумлѣемъ,
 И сердце затихнуть не можетъ,
 Конца не найду размышленьямъ.

И рвется душа — подѣлиться
 Таинственнымъ чувствомъ и словомъ,
 Что Богъ-вѣсть откуда родится,
 Что кажется вѣчнымъ и новымъ.

И знаю, куда ни пойду я,
 И сколько жить небо ни судить,
 Міръ дивный все тотъ же найду я,
 Все сердцу покоя не будетъ.

Ужели — незримой тропюю,
 Безмолвно там изумленье,
 Задумавшись мыслью живою,
 Пройду я до гроба и тлѣнья?

Или — эту мысль безъ границы
 И всю изумленья тревогу.
 На бѣлыя бросить страпнцы,
 Какъ жертву незримому Богу?

1855.

Не вѣрь себѣ.

Въ минуту слабости душевной
 Не вѣрь, не вѣрь себѣ, поэтъ!
 Все ложно въ жизни повседневной,
 И жи въ одномъ восторгѣ нѣтъ.

Смотри,— не знаютъ люди сами,
 Что ихъ волнуетъ и влечетъ;
 То — кровь горячими струями
 Въ ихъ сердцахъ трепетномъ течетъ.

И дѣтямъ радостнымъ подобны,
 Безъ мѣры мыслей и страстей,
 Они безжалостны и злобны,
 Какъ дѣти въ рѣзвости своей.

Не дорожи же ихъ участиемъ,
 За ихъ хвалою не гонись,
 Не дорожи житейскимъ счастьемъ
 И ни предъ кѣмъ не преклонись.

Лишь безпорочный духъ поэта,
 Какъ высшій даръ, не погуби,
 И твой восторгъ, какъ искру свѣта
 Во мраки жизни, возлюби.

Въ минуту слабости душевной
 Не вѣрь, не вѣрь себѣ, поэтъ,
 Все ложно въ жизни повседневной,
 И жи въ одномъ восторгѣ нѣтъ.

1853.

Е. Е.

Кто крѣпокъ и богатъ душою,
Тотъ межъ людей царемъ глядитъ:
Однихъ любовью онъ даритъ,
Другихъ казнить своей враждою.

Но ты, несчастное созданье,
Душою скудешь ты и хилъ;
Самъ у людей всю жизнь просилъ
Ты крохъ любви, какъ подавня,
И, какъ огонь, тебѣ всегда
Была страшна людей вражда.

1878.

Воробьевка.

Е. Е.

Онъ ходитъ тихо межъ людей,
Но преданъ странному заплатью:
Все ищетъ онъ въ душѣ своей,
Кого бы, по лицу, по платью,
По складу мыслей и рѣчей,
Предать презрѣнью, иль проклятью;
Какъ будто вѣчно въ страхѣ онъ,
Что самъ за что-то осужденъ,
И тайной гордости движенье
Ему единое спасенье.

Воробьевскій паркъ.

Когда дума твоя чиста,
И безмятежно сердце бьется,
Ступай туда, гдѣ тѣнь густа,
Гдѣ жаркій лучъ сквозь вѣтви **рвется**.

Тамъ будетъ все тебѣ ласкать:
Свѣтъ, воздухъ, чудный видъ съ **дорожки**
И золотыя будутъ мошки
Вкругъ головы твоей мелькать.

Но если духомъ ты взволнованъ
И шевелится страсть въ груди,
Въ мой паркъ ты лучше не ходи:
Этъ тайной силой зачарованъ.

Тебя лучъ солнца обожжетъ,
Пень самъ подъ ногу подвернется,
И видъ чудесный пропадетъ,
Клепецъ жадный въ грудь тебѣ **вошьется**,
И будутъ жалить мухъ полки
Твой лобъ и шею, и виски.

Эстетику.

Не мѣръ хороша, а хороша
Въ тебѣ порой твоя душа,
И не гармонія природы
Звучитъ среди лѣсовъ и водъ,
А сердце, въ чистый мигъ **свободы**,
Само въ груди твоей пость.

Поэту.

Коль ужь поэтомъ стать рѣшился,
 То не вилай и не хитри:
 Что на душѣ, каковъ родился,
 Чѣмъ дышишь, то и говори.

Е. Е.

И осторожно, и небрежно
 По тропкѣ жизненной плетусь,
 И всякой дряни я боюсь,
 Но не того, что неизбежно.

1884.

Ночь.

(П. А. Нускову).

Какъ щитъ
 Полна,
 Горитъ
 Луна;
 Шумитъ
 Волна,
 И полпъ
 Тоски
 Плескъ волпъ
 Рѣки.

Слились,
 Слились
 И свѣтъ,
 И мгла,
 И пѣть
 Числа
 Звѣздамъ
 Небесъ.
 Спать лѣсъ,
 И тамъ
 Дрожать
 Листы,
 И спать
 Цвѣты.
 Кругомъ
 Давно
 Все своимъ
 Полно;
 Но сонъ
 Души
 Тоской
 Смущенъ
 Въ тиши
 Ночной.
 На грудь
 Налегъ
 Рой думъ;
 Мой путь
 Далекъ,
 Угрюмъ.
 1849

Жалоба.

Какъ смутный сонъ уходить дни за дни
И каждый день дни прошлаго блѣднѣй;
Не дышитъ умъ высокими мечтами,
Нѣмое сердце спитъ среди людей;
Безсиліемъ, какъ тѣжкими цѣпями,
Я удрученъ во цвѣтѣ лучшихъ дней,
И я томлюся жизнью безотрадной,
Какъ извою мучительной и срадной.

Зачѣмъ же ты, жестокая судьба,
Въ меня свитую искру заронила?
Зачѣмъ тобой мнѣ суждена борьба
И не дана властительная сила?
Зачѣмъ рука и грудь моя слаба,
А ты огонь горящій въ нихъ вложила,
Огонь живой негаснущихъ стремленій,
Огонь стыда и горькихъ сожалѣній?

1853.

Изъ „Идеаловъ“ Шиллера.

Какъ нѣкогда съ мольбою и желаньемъ
Пигмалионъ свой камень обнималъ,
И чувства жаръ зажегся подъ лобзаньемъ
И въ мраморныхъ ланитахъ запылалъ, —
Такъ обвивалъ влюбленными руками
Природу я въ восторгѣ молодомъ,
Пока дохнула страстными устами
И стала грѣть мнѣ грудь живымъ тепломъ.

И, жаркіи желанья раздѣлила,
Нѣмая вдругъ языкъ нашла,
Мнѣ поцѣлуй любовный возвращала,
Сердечный крикъ мой поняла.
Дышала роза, дерево шептало,
И сладко нѣлъ серебрянный ручей,
И неживое чувствомъ трепетало,
Откликнувшись на жизнь души моея.

1851.

Воспоминаніе.

Все помню: звукъ морскихъ зыбей,
И крестъ надъ дружеской могилой,
И какъ зажегся образъ милый
Въ душѣ померкшувшей моей:

Черты—блѣднѣе изваянья,
Но жизнь во взорѣ молодомъ,
И въ сердцѣ трепетно-большомъ
Великодушныя жоланы.

Благословенны вы стократъ!
Мой вечеръ гаснетъ безнадежно,
Но вы взошли звѣздою пѣжной
На мой блѣднѣющій закатъ.

1886.

Извиненіе.

Душа моя еще звучна,
Всѣхъ струнъ ея я самъ не знаю,
И часто жадно я внимаю,
Какъ въ глубинѣ звучить она.

Невольно и отвѣтилъ пѣшьемъ
На задушевный звукъ рѣчей,
Вниманье дѣвственныхъ очей
Невольнымъ встрѣтилъ умиленьемъ.

1887.

Дума.

Покой и свѣтъ вокругъ меня;
Всѣ узы міра я оставилъ,
На чистый пламень бытія
И взоръ души своей направилъ.

Но часто тусклъ усталый взглядъ,
Но язвы давняго растлѣнья
На сердцѣ старомъ вновь горять,
И меркнетъ радостное зрѣнье.

Богъ милосердъ! Онъ мнѣ пошлетъ
Свое святое испытанье,
Онъ зло мое во мнѣ сожжетъ
Огнемъ предсмертнаго страданья.

1888.